

Вадиш Муратханов

ДВА РАССКАЗА

САРАНЧА

От многократного употребления термины становились сухими и странными. Догорал закат. Слабый ветер тревожил занавеску и изредка поднимал край кофирки, придавленной толстым журналом.

«...Сочетаются в балладе с мелодическим богатством», — дописала Таня до точки и подняла голову. С подоконника на нее смотрело крупное насекомое. Когда Таня протянула руку, чтобы закрыть окно, насекомое метнулось в сторону кровати и пропало из виду.

Таня не решилась искать сама и позвала Павла.

— Нет здесь никакой саранчи, — заключил он, осмотрев комнату. — Что ей делать на восьмом этаже?

— Я еще с ума не сошла. И глазам своим доверяю.

— Скоро сойдешь. И зрение посадишь со своим бесконечным диссером.

Перед сном Таня поднимала подушку, отгибала край одеяла и, к удивлению Настеньки, пыталась сдвинуть с места незыблемую двуспальную кровать.

Сон долго не шел. Всякий раз, когда сознание готово было отключиться, перед Таней вставало из темноты огромное насекомое. Оно подрагивало колючими ножками, и глаза его, лишённые зрачков, просили о помощи.

Среди ночи Таня закричала и проснулась от ощущения, будто что-то пробежало по лицу. Настенька заплакала. В комнату вошел заспанный Павел и зажег свет.

— Кто на этот раз? Тигр? Волк? Если сама больная — подумай о ребенке.

Он взял Настеньку на руки и вышел из комнаты.

На следующий день Таня перебирала и встряхивала вещи одну за другой. Она оправдывала себя тем, что на улице похолодало и надо достать и приготовить теплую одежду.

Саранча не обнаружилась. Теперь, подумалось Тане, она бы наверняка замерзла, если б вылетела в окно.

Ночь опять тянулась паутиной между явью и сном. «Уйти отсюда, а саранча пусть в комнате останется, — сменялись мысли в полудреме. — Павел пусть с ней живет, обед готовит, тогда увидит, чем питается, травоядная или нет...»

Временами Тане представлялось, что саранча лежит с ней в постели вместо Настеньки, но открывать глаза до утра не хотелось.

Саранча не нашлась ни через неделю, ни через месяц, ни через год. За это время Настенька пошла в детсад, приехали и уехали родители Павла, Таня защитила диссертацию. И, так как никто не видел саранчу улетающей, ее шершавая тень поселилась в квартире на долгие годы.

ПИСЬМО

Одна не очень близкая знакомая Кирилла обмолвилась, что едет в Москву, и предложила помощь, если надо кому-нибудь что-нибудь передать. Сделала она это, скорее, из вежливости. Но, может быть, именно поэтому Кирилл ухватился за предложение.

Он помнил, что в Москве у него живет друг, который перед отъездом обменивался с ним адресами. И если старая записная книжка уцелела в глубинах письменного стола, он обязательно найдет адрес друга, только бы вспомнить фамилию.

С первой попытки книжка не обнаружилась, и Кирилл решил начать сразу с письма.

«Привет, Юрий!» — вывел он и остановился. Но, не дав со-

мнениям окрепнуть, продолжал: «У меня все по-старому. Работаю в редакции, строчу разные сиюминутности и нахожу в этом сиюминутное удовлетворение, так как никогда не умел написать ничего вечного и даже научился с годами уничтожать черновики в голове, уже при первом их появлении».

Прочитав написанное, Кирилл почувствовал, что вышло витиевато, не хватает конкретики, и решил переписать письмо на свежую голову.

«Помнится, ты спрашивал, — обращался он к другу на следующий день, — не сожалею ли я о выбранной профессии. Должен признаться, скучнее занятия трудно себе представить. На журналиста событие не обрушивается, как на другого смертного. Журналист сам находит его, раздувает или игнорирует по своему усмотрению или по заданию редактора. События, соразмеренные с объемами статей, теряют у нас в руках свой первозданный блеск.

Недавно во дворе редакции выкапывали мины, оставшиеся со времен последней войны. Писать об этом запретили, и сотрудники прыгали через рвы, спеша по своим рядовым заданиям».

Кирилл перечел написанное и пришел к выводу, что как-нибудь позже надо вернуться к фразе о первозданном блеске.

Текст разрастался. И когда Кирилл узнал, что отъезд знакомой откладывается на неопределенный срок, он принял это как шанс добиться более приемлемого результата.

«По роду службы мне часто приходится сталкиваться с поэтами. Люди самых разных возрастов и занятий, они безошибочно угадываются среди других посетителей по трогательным попыткам за посторонними разговорами скрыть болезненную заботу о своих беспомощных уродцах. Они идут пристраивать их к нам не потому, что “с детства читают нашу газету”, выходящую лишь пятый год, а потому, что в других приютах получили отказ. Зато сколько минут здорового смеха подарили мне творения этих непризнанных самородков! Ни одному не отказал я настолько категорично, чтобы отбить охоту к дальнейшим опытам. Приходит на память, как сам я впервые переступил порог литературной редакции. Заведующий отделом прозы посоветовал мне тогда довести мою

замкнутость до предела и либо сойти с ума, либо написать Произведение. Странный был человек...»

Иногда Кирилл, спохватываясь, спрашивал друга о здоровье, о работе и настроении. На более определенные вопросы, не доверяя памяти, не осмеливался. Он уже почти наверняка знал, что не отправит в Москву ничего, и поэтому известие об отъезде знакомой не застало его врасплох.

В тот же день, подавив неловкость, Кирилл продолжил письмо.

